

С телятинной ленты ТАСС: «Ленинград, 13 января (1978 г.) Поздравления с успешным дебютом в Академическом Театре оперы и балета имени С. М. Кирова принимал вчера дирижер Валерий Гергиев. 24-летний выпускник Ленинградской консерватории впервые продирижировал оперой С. Прокофьева «Война и мир» — одним из крупнейших музыкальных творений XX века. Одухотворенность и непосредственность исполнения свойственны творческой манере Гергиева, закончившего класс известного советского педагога И. А. Мусина. Еще учась в Консерватории, Валерий добился успеха на IV Всесоюзном конкурсе дирижеров, заняв на нем второе место. А осенью минувшего года стал лауреатом международного конкурса «Фонд Герберта фон Караяна» в Западной Берлине».

Спустя десятилетие после описанного ТАССом дебюта В. Гергиев нынешним летом стал главным дирижером Кировского взамен ушедшего в Филармонию Ю. Темирканова.

— Валерий Абисалович, у вас получился стремительный подъем по дирижерской лестнице: раньше таким молодым подобное не удавалось. Чего бы теперь вам хотелось?

— Вероятно, инициативы? Она теперь, впрочем, всюду нужна. У вас в «ЛР» была интересная статья моего коллеги из Малого оперного Валентина Кожина. Разделяю его точку зрения: требуется многое менять в музыкальном нашем театре. Вспоминаю и выступления Евгения Сметланова в «Литературке». Прав и Евгений Федорович: театр не должен уподобляться вокзалу. Один артист только что из зарубежных гастролей, другой уже собрал чемоданы перед отправкой за рубеж. Как при такой вокзальной обстановке работать над новым спектаклем?

— Но каждый артист хочет показать себя в Европе!

— Да, нам есть что показывать. Но вопрос главный — где? Если речь идет о Большом или Кировском — им, так сказать, в тональность, поймите меня, — такие столь же крупнейшие театры, как Ла Скала, Метрополитен-опера. Аналогичные Кировскому с Большим по уровню. Здесь, как в разрушении — должен царить паритет. А когда наши лучшие голоса разбегаются по трехстепенным подмосткам мира — кому такое к чести? Лишь бы валюта шла?

Эта тема — болезненная. Я не хотел бы тут оказываться в роли искомого «штрейкбрехера», сам тоже езжу по заграницам...

...Прерву разговор для самокритики: как же вышло у нас, ленинградских журналистов, да и у меня? Кинулся готовить этот материал. Начал с библиотечного архива. Увы, о Гергиеве не писали. Приведенная выше двадцатистрочная тассовская телеграмма — единственная ленинградская публикация о Гергиеве. Вроде бы его и не было в городе эти десять лет?

Было! В Кировском успешно шли великолепно продирижированные спектакли.

А в солидной лондонской «Индепендент» появлялись такие, например, восторженные строки: «Увертюра Глинки и в особенности 3-я симфония Чайковского превзошли все ожидания... Гергиев управлял филармоническим оркестром Би-Би-Си — одним из лучших в мире — совершенно неожиданным образом. Склонившись над ним, как неустойчивый марионетчик, он добился едва уловимых оттенков — от мягкого до напряженно-страстного. Это потребовало от оркестра концентрации игры самого высокого класса. Публика была потрясена!»

А вот строки из французской газеты «Ля нуэвел Републик»: «Гергиев владеет произведением до мельчайших его деталей, до последней нотки, заставляя соперничать публику, передавая ей свою кипучую душу...»

В этом же десятилетии в крупном американском музыкальном журнале вышла статья. Броско набранный подзаголовок предвещает судьбу Гергиева, по мнению американцев, призванного принять эстафету Мравинского и Светланова.

Это все — из мировой прессы. А что же — ленинградская? Глухо... Ну не стыдно? И прежде всего — критикам из секции при Ленинградском отделении Союза композиторов: уж они, поднаторевшие экстра-профессионалы, самыми первыми призваны высказать о нарождающихся талантах?

...Продолжается разговор с Валерием Абисаловичем:

— Вы, слышал, недавно отказались от поездки в Штаты?

— И от поездки в Голландию, хотя и съездил ненадолго в Японию. При выборе зарубежных площадок, повторю свою мысль, стоит соразмерять масштабы, а не просто мчаться по первому зову, куда только не помянут. И прежде всего думать о своем театре. Темирканов, скажем,

всегда настаивал на первостепенности работы в своем родном театре. В этом направлении он многого добился.

— Последние несколько лет в разговорах о Кировском театре звучит определение: «темиркановские годы». Нюансы, с которыми произносятся эти два слова, разные. Если не секрет, каково ваше отношение к Юрию Хатуевичу Темирканову?

— Самое приятное! Не из желаний петь дифирамбы, а искренне скажу: Темирканов преобразил Кировский, оживил, омолодил труппу и спектакли, встречая при этом мощное сопротивление. А спектакли оживают при непрерывном условии: при хорошем дириже-

скажем, был Мравинский. 20 долларов на сутки? Вполне хватит... на ресторанный обед, состоящий из закуски и непритязательного второго, кофе уже не оплатит, — рассказывали мне с возмущением бывалые, повзвизгивая по свету, именитые музыканты. Убеждали при этом: из заработанного ими большие отчисления идут Москве, Госконцерту. А львиная доля — на банковские счета импресарию — их мы ублажаем на всю катушку, как говорится. Почему, отчего такая щедрость? Потому что своих импресарию, менеджеров не наращиваем. Почему? Лицом что ли не вышли?

Последний вопрос адресуется Министерству культуры СССР. Доколе будем бесхозяйственно обращаться со всем, что может

Наконец и в родном городе заметили! Встречается, дирижер мирового класса, которого наперебой зовут крупнейшие оркестры, филармонии разных стран.

Открытие Международного фестиваля совпало с пребыванием в Ленинграде министра культуры СССР. Он, В. Г. Захаров, в те же дни и представил Кировскому театру его нового главного дирижера.

И в разговоре с В. Гергиевым подспудно роилась в моей голове мысль: сколько же мы, любители музыки, не услышали концертов больших, интересных дирижеров благодаря чьей-то всевластной, всемогущей «филтрации»?

— Соперничество, как и интриги в театральном мире, — увы, неизбежность. Как и во времена Пирогова, Мравинского, так и сейчас вокруг именитых, крупных людей вытесна мовикарой, сталкивая их лбами, людскими околотеатральные, околмузыкальные, всякие чиновнички... Наше поколение артистов, музыкантов, пользуясь открытыми перестройкой возможностями, призвано оздоровить, усовершенствовать нынешнюю модель советского оперного, музыкального театра. И конкурсная жизнь должна стать более ласковой. Да один приезд Горовица, этого потрясающего пианиста, произвел взрыв интереса к классической музыке.

...А перед этим нашим разговором мы шли вместе с Валерием Абисаловичем к Кировскому. В руках дирижера была пластинка в пестром конверте. С надписью на итальянском. Оказалось, не просто пластинка, а — прямой упор тем, кто вершит дела «Мелодии», единственной нашей звукозаписывающей и «дископроизводящей» фирмы.

Оказалось, что итальянские коллеги «Мелодии» заинтересовались незвершенной оперой М. Мусоргского «Саламбо». Пришли к нам в ленинградские архивы своих людей. Те поработали с черновиками, проконсультировались со знатоками, нашими музыковедами, историками.

Результат? Отлично записанная, изданная опера. Ее у нас, на родине Мусоргского, никто никогда не слышал, «белое пятно» сняли итальянцы. Спасибо им...

Теперь Гергиев нес пластинку в театр на прослушивание.

Подумалось: до чего же мы порой бываем бесхозяйственными! Пошевелись «Мелодия» раньше итальянцев — могли бы теперь, себя услуждая, и на валюту, наверное, продавать редчайшее произведение!

Спрашиваю Валерия Абисаловича, дирижировал ли он в Филармонии уже после Международного фестиваля.

— Меня приглашали продирижировать Заслуженным коллективом республики. Великолепный оркестр. Великолепный, кстати, и зал — по акустике, по всему. В такой можно пригласить любую звезду — Светланова, Аббадо, Караяна, Бернштейна. Не должно быть такого, когда большой мастер, случается у нас, может приехать из Москвы или из-за границы, а не находится «служивых людей», способных пойти навстречу пожеланиям мастера и жажде публики слушать больших музыкантов.

...В записях репортерского диктофона осталось несколько телефонных звонков, начальные фразы разговоров. Один был международный. Гергиев без переводчика, свободно, вполне прилично, как показалось мне, говорил с далеким собеседником из Западной Европы на английском. Это приятно. По-цивилизованному.

— Слышал, вы имели отношение к переговорам о гастроль у нас крупнейшего дирижера мира Леонарда Бернштейна!

— Да. Выдающийся музыкант. Живет в Америке, к нам приезжал с молодежным оркестром музыкального фестиваля земли Шлезвиг-Гольштейн, ФРГ. Вдруг это и нас убедило: из молодых музыкантов, оказывается, можно создавать отличные оркестры! Это нам нужно. В стране много талантливого молодежи. Много издано разных постановлений о молодых творческих работниках. Постановления есть — молодежных оркестров нет...

Вспомнилось: на музыкальном фестивале «Белые ночи» в этом году играла и дрезденская «Штадскапелла». У музыкантов этого оркестра с многовековой историей есть традиция: вне родных мест гастролировать не более пятидесяти дней в году. Остальное время — играно дома. И рядом с каждым пультом зрелого музыканта или ветерана — пульт молодого: на ходу, так сказать, на марше немцы растят музыкальную смену.

У нас такого пока нет. А жаль: ведь случай с молодым Гергиевым — пока что исключительный, когда в тридцать с небольшим музыкант возглавляет один из крупнейших театров.

Беседу вел В. НЕСТЕРЕНКО

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сегодня на открытие своего 206-го сезона Кировский театр дает «Пиковую даму». Как и в последние годы, этой оперой Чайковского будет дирижировать возродивший ее Ю. Х. Темирканов. Но впервые главным дирижером театра будет указан В. А. Гергиев. Многих может заинтересовать: а кто это?

давать куда больше валюты, чем дает ныне? Доколе, стоит спросить у Минкультуры, будем уничтожительно обращаться с артистами, представляющими наше искусство и нашу державу за рубежом?

Прочитать бы товарищам из министерства такие, к примеру, строки из зарубежной прессы: «Гергиев, одаренный уникальным чувством предвосхищения, заставляет каждое произведение застывать, будто некий драгоценный камень, новыми и новыми гранями. Его жесты широки, неотразимы, с мастерской подачей каждой оркестровой партии и группы. Жесты пронизаны таким вдохновением, что порой воспринимаешь музыку, известную, казалось тебе, до последней нотки, как нечто новое и более великое, возможно, чем даже сам Чайковский...»

Значит, нет пророков в собственном отечестве? Или кому-то где-то (как в известной песне телемиллионеров) в радость занижать, обесценивать то, что явно стоит дорого?

Однако вернусь к беседе:

— Позвольте продолжить экономическую тему. В Кировском всегда полно иностранцев. Но билет им купил «Интурист», взяв с гостей, понятно, валюту. Справедливой было бы, думаю, чтобы иностранный гость платил свои фунты-доллары непосредственно в театральную кассу!

— Заманчивая перспектива: мы бы, отменив положенное государству, кое-что оставляли бы за театральные нужды. Например, хороший музыкальный инструмент зарубежного производства стоит недешево... Но сразу возникают сложности. Установи, предположим, мы цену для иностранцев в конвертируемой валюте — автоматически должна подняться и цена в рублях. Такого никак бы не хотелось. Пенсионеры или студент — люди скромного достатка, им сразу станет билет в оперу не по карману. Словом, будем прорабатывать этот вопрос всесторонне, хотя и без того дела в театре идут неплохо. Публики всегда много, аншлаги, коммерческий успех почти всегда. Хотелось бы, конечно, иметь блестящий успех каждодневно. Но это такая мечта...

— Помогают ли воплощению этой мечты критики!

— Настоящий критик должен знать состояние театра. А таких нет. Отдельные представители критикующих приходят на премьеры. Но — при редчайших спектаклях — как быть с текущими спектаклями? На сцене появился новый певец. И этот очень важный момент театральной жизни вновь остается тайной. Странно в наш период гласности, не так ли?

В этом месте нашей беседы вспомнилось и о другой странности. В прошлом сезоне наша Филармония анонсировала два эбонемных концерта В. Гергиева. Концертов — не было... Хотя бы кто позвонил, извинился? Не звонили.

Но все изменилось в канун III Международного, музыкального фестиваля. Самым первым, самым престижным концертом на открытие фестиваля продирижировал В. Гергиев. Это был успех. Это случилось спустя годы, когда за плечами молодого дирижера уже были и успешные зарубежные гастрольные со всемирно известным «Светлановским» Государственным оркестром СССР, и многократные удачные выступления, например, с тремя прославленными лондонскими оркестрами...

ре. Это уже не мои слова, а Берлиоза, композитора и дирижера. Певец, говорил он, может испортить свою партию, а значит, плохо повлияет на спектакль. Это же может сделать и сфальшививший в оркестре музыкант. Но вот плохой дирижер разом убивает весь спектакль.

— Значит, вы, преемник хорошего дирижера Темирканова, получили наследство в полном порядке!

— Нет. Театр — сложнейший организм. Постоянный приток новых исполнителей, смена оркестрантов... А планка каждый день поднимается. Выше, выше. И сегодня, считаю, каждому спектаклю нужны доработки. Надо сохранить золотой фонд классики — и обновить афишу. Лучшие театры мира сегодня работают быстрее, интенсивнее нашего. А у нас премьеры — страшная редкость.

— От певцов, подолгу работающих за рубежом, слышал: там поют, трудятся в день гораздо больше, чем в наших оперных театрах. Это так!

— Так. Там платят по смете. «По конечному результату». Я убежден: советский оперный театр должен изменить свою структуру, определяющуюся еще задолго до застойных времен. Помоему, назрел вопрос о контрактах, где были бы четко расписаны права и обязанности двух сторон — певца и театра. Спел? Или за деньгами к кассе. Не спел — нет тебе и зарплаты.

— Может, и здесь выручит хозрасчет!

— Это вопрос, над которым я постоянно думаю. Ну взять билеты. В Японии, например, если хочешь попасть на приличный симфонический концерт — платишь куда больше нашего, по 60—80 долларов за билет.

— Вчетверо больше ваших заграничных.

Этот мой перерасчет в суточные основан не только на разговорах с Гергиевым, Темиркановым, другими нашими музыкантами, выезжающими на загрангастроли. Напомню и другое: «ЛР», описывая тур-на Кубу, уже высказывала свою точку зрения на буквально нищенское положение наших туристов, не снабжаемых за границей конвертируемой валютой. Это — турист. А если речь идет о звезде? Такой, как,